

Юлия Шахрай

Усадьба госпожи Аннари

«Литнет»

2024

Шахрай Ю.

Усадьба госпожи Аннари / Ю. Шахрай — «Литнет», 2024

В этом мире у неё всё пошло под откос и жизнь потеряла смысл. В результате несчастного случая женщина переносится в тело юной девушки и получает шанс построить своё счастье в новом мире. Осталось лишь придумать не только, как выжить самой, но и достойно вырастить дочь. Мир ФьориТрёхтомник*Хэппи-энд гарантирован ЭКСКЛЮЗИВНО на ЛИТНЕТ! Огромное спасибо всем кто ставит звезды и оставляет комментарии!

© Шахрай Ю., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пролог

К тридцати годам у меня уже был опыт нескольких отношений. Длились они недолго и особых переживаний не приносили. Я расставалась с мужчинами легко и без обид.

Родители к этому времени умерли, так что я вполне комфортно устроилась в трёхкомнатной квартире на одной из тихих улочек столицы и работала юристом. Несколько подруг, зарплата, которой мне вполне хватало – казалось, в этой размеренной жизни просто нет места для кого-то ещё.

А потом появился он. Мой Арсений. Высокий голубоглазый брюнет, который будто не замечал защиту, которую я столько лет возводила вокруг своего сердца. Ворвался ураганом, красиво ухаживал с букетами алых роз и ресторанами. Когда он предложил стать его женой, согласилась, не раздумывая.

Его родители жили в небольшом посёлке, и тем же летом я поехала знакомиться с ними в роли невесты. Мама Арсения встретила меня прохладно. Что касается его отчима – я так и не поняла, радовался он моему приезду или поводу выпить. А вот младшая сестра, которой едва исполнилось пятнадцать, восторгалась за всю семью.

Свадьбу отмечали в небольшом кафе. Приглашенных было немного: три моих подруги, два друга Арсения, его родители и семья. Белое платье сидело на мне идеально, и казалось, что вот теперь меня ждёт «долго и счастливо».

Я полностью погрузилась в домашний быт. Научилась варить борщи, печь пироги и готовить сладости. Окружала своего мужчину заботой, и была счастлива, как никогда до этого.

Через два года я забеременела. Арсений заикнулся было, что нам пока рано и можно бы ещё пожить для себя, но увидев мой взгляд, сразу же взял свои слова обратно.

Именно в то время между нами начала разрастаться пропасть. Он продолжал жить так же, как и до беременности: встречался с друзьями, ходил на вечеринки. А вот мне больше ничего этого не хотелось. Внутри меня росло чудо, и я чутко вслушивалась в малейшие изменения своего состояния.

Когда прихватило поясницу и гинеколог направила меня в больницу, без раздумий отправилась туда.

Арсений за две недели, пока меня лечили, появился всего два раза, и второй – когда меня нужно было отвезти домой. В первый привёз вещи, которые мне были нужны и попытался внушить, что не стоит находиться в больнице и врачи просто перестраховываются.

Из-за беременности у нас стало меньше денег. Внезапно выяснилось, что именно я всегда оплачивала коммунальные услуги и продукты, а вот зарплата Арсения уходила на выплату кредита на машину и отдых с друзьями. Конечно, моя зарплата зависела от количества проектов, но я была не готова рисковать жизнью моей малышки.

Наша доченька Танюша родилась весной. На улице распускались первые цветы, воздух был необычайно сладок. Я смотрела на свою малышку и понимала, что она – самое лучшее, что со мной когда-либо случилось.

Через пару месяцев после родов пришлось вернуться на работу. К счастью, начальник не возражал, чтобы я работала дома и появлялась только передать или забрать документы.

Арсений мне совсем не помогал. Корил за то, что я себя запустила. За то, что дома не убрано и ему приходится самому разогревать себе еду. Казалось, чем дальше, тем больше мы превращались в незнакомцев.

Подруги успокаивали, что просто малышка слишком маленькая, а у мужчин интерес к детям появляется после того, как они заговорят. Советовали больше внимания уделять мужу.

Я старалась, но чем дальше, тем сильнее отношения начинали напоминать карточный домик, который может разрушиться от малейшего дуновения. Мы продержались четыре года.

Думала, после того как выйду на работу, а Танечка пойдёт в садик, наши отношения с мужем улучшатся. Но этого не произошло...

Грузовик с заснувшим за рулем водителем протаранил машину, в которой мы с малышкой ехали. Ровно в том месте, где сидела дочка. Она умерла сразу же. Я попала в реанимацию. Отделалась переломом руки, травмой головы и трещиной ребра. Поэтому на похороны меня отпустили.

Смотрела в белое лицо своего ангелочка и не могла поверить в то, что всё происходит на самом деле. Наблюдала за всем словно со стороны.

Весь ужас ситуации дошёл до меня только вечером в палате. Ревела, что лучше бы забрали меня, не её. Не понимала, почему судьба настолько ко мне жестока.

Рыдала так, что врачам даже пришлось вколоть мне успокоительное. А потом и позвать психотерапевта, которая выписала мне таблетки. С ними стало проще. Боль притупилась настолько, что я смогла притвориться, будто могу продолжать жить дальше.

Квартира встретила меня пустотой. Не было не только мужа и его вещей, но еще и холодильника, телевизора, стиральной машины, микроволновой печи, дивана, кровати и даже кухонного стола. Взамен он оставил оповещение о своём желании развестись.

Помогли мне в этот период подруги. Утешили, посоветовали продать квартиру. Я и сама понимала, что это будет лучшим решением – слишком больно оказалось жить в окружении воспоминаний. Купила однокомнатную на окраине. Уволилась с прежней работы и устроилась туда, где никто не знал о моём прошлом.

А потом просто жила. Много читала, пыталась отвлечь себя рукоделием, но чем дальше, тем больше мне всё казалось лишённым смысла.

Когда зимним вечером машину, ехавшую по дороге, занесло, и она покатилась прямо в мою сторону, то даже с некоторым облегчением поняла, что отпрыгнуть не успеваю. Резкая боль, и моё сознание поглощает блаженная и уютная темнота.

Глава 1

Прихожу в себя рывком. Словно моё сознание внезапно включилось. Вместо больничной палаты вижу бежевый балдахин; тоненькое одеяло; стены с местами потрескавшейся белой краской; побеленный потолок, в правом углу которого висит паутина; большой камин, сложенный из камней, и деревянную дверь напротив кровати, украшенную резьбой. Встать не получается, потому что во всём теле ощущается слабость.

Волосы лезут в лицо, убираю их и удивлённо смотрю на руку – она не моя. Тонкие изящные пальцы и молочно-белая упругая кожа, которая больше подошла бы юной девушке, а не женщине несколько лет назад отпраздновавшей сороковую годовщину. Поднимаю одеяло и обнаруживаю под ним грудь третьего размера. И это при том, что у меня и первый-то после родов едва вырос.

Уже почти решаюсь подняться и поискать зеркало, как в комнату входит пожилая сухощавая женщина лет пятидесяти. Прежде чем соображаю её о чём-нибудь спросить, она неприятно ухмыляется и подносит к моим губам чашку, приказывая:

– Пей!

Делать этого совершенно не хочется, но она смотрит так требовательно, что отказаться не решаюсь – пока не знаю, где именно оказалась, лучше не перечить.

У напитка странный вкус. Стоит допить его, как мысли начинают расползаться, и останавливаться на какой-то одной совершенно не получается.

В следующий раз прихожу в себя, когда меня поднимают с кровати и куда-то ведут. Ощущения, как при высокой температуре: тело ломит и сложно сосредоточиться. С трудом переставляю ноги, поэтому радуется, что пункт назначения оказывается за дверью, которую я не заметила из-за балдахина.

Женщина задирает на мне ночную рубашку, усаживает меня на унитаз и требовательно произносит:

– Давай! Быстрее!

Испражняться под взглядом незнакомого человека унижительно, но поскольку желания тела совпадают с её приказом и оставлять меня в одиночестве она явно не собирается, всё-таки делаю это. Женщина помогает мне вернуться на кровать, помогает сесть, опершись на подушки, и быстро скармливает какое-то не особенно вкусное варено. Потом чашка с отваром, и я снова перестаю соображать.

В следующий раз, когда женщина вливает в меня отвар, делаю вид, что глотаю, а сама оставляю его во рту. Стоит ей выйти из комнаты, выплёвывая жидкость, но что-то явно успевает проникнуть через слизистую, потому что становится сложнее думать. Сложнее, но всё-таки получается.

Вспоминаются любимые мной фэнтезийные книги про попаданок. Я в чужом теле, в незнакомом месте. И явно не совсем здорова. Возможно, прежняя владелица тела умерла, и я попала сюда вместо неё? Что это, если не сюжет одной из таких книг? На рай или ад точно не похоже. Правда, героини переходили через волшебные двери, но и такие, кто умирал в своём мире и переносился в другой, тоже были. Только что-то не припомню, чтобы хоть одну после пробуждения поили чем-то, что дурманило её разум. И что мне теперь делать? Признаться точно не стоит – кто знает, как здесь относятся к попаданкам. Если бы такое произошло в моём мире, попаданку упекли бы в психушку. Это если бы она как-то дожила до этого момента, а не попала под машину или в руки какого-нибудь маньяка или преступника. Вдруг и здесь попаданцев не любят? Лучше уж молчать, пока не узнаю точно.

Радует то, что я понимаю язык. Он звучит непривычно, но я совершенно точно его понимаю. Если останусь в этой комнате, ничего хорошего ждать не приходится, так что нужно

попробовать сбежать. Вот только как? Слабость такая, что даже до туалета дойти сложно. Может, если перестану глотать ту гадость, которой меня поят, станет легче? Стоит попробовать. Сдаваться точно не собираюсь.

Мысли возвращаются к прошлой жизни, но теперь меня от неё словно отделяет толстое стекло. Словно прошло много-много лет, и чувства, которые я тогда испытывала, остыли. Словно всё это было с кем-то другим.

Сама не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Меня будит та же неприятная женщина. Отводит в туалет, затем кормит чем-то не особенно приятным на вкус. Морщиться или проявлять какие-то другие эмоции я себе не позволяю – не хочу себя выдать.

Когда женщина подносит к моим губам чашку с дурманом, дверь комнаты резко распахивается и внутрь решительно заходит седовласый крепко сбитый мужчина. Следом за ним прошмыгивает белокурая девочка лет четырёх в ветхом на вид платье и кричит:

– Мама! Мама!

Подбегает ко мне и хватается за мою руку. Ошарашенно смотрю на неё – в этом мире у меня есть дочь?

Женщина пытается влить в меня отвар, но я резко дёргаюсь, из-за чего чашка выскальзывает у неё из рук и содержимое проливается на одеяло. Женщина недовольно кривится и кричит на мужчину:

– Сейчас же выйдите отсюда! Баронесса больна и не принимает гостей.

Во взгляде мужчины появляется растерянность.

Если он не нравится этой женщине, то, возможно, он может мне помочь, поэтому, собравшись с силами, прошу:

– Не уходите, помогите мне!

Лицо мужчины суровеет, и он переводит взгляд на женщину:

– Что здесь происходит? И кто вы?

Та высокомерно задирает нос:

– Я экономка баронессы Аннари. Она болеет после того, как скинула ребёнка, и сейчас не в себе. Вам стоит уйти.

– Останьтесь, – настаиваю я. – Эта женщина меня опаивает. Помогите мне, пожалуйста.

Мужчина в несколько шагов преодолевает расстояние, отделяющее его от кровати, быстрым движением берёт часть одеяла, на которую пролилось зелье, прижимается, и его глаза яростно сужаются:

– Вы поите её лепестками алуники! Удивительно, как она вообще в состоянии говорить!

Экономка срывается с места и пытается выбежать из комнаты, но мужчина оказывается быстрее. Он перехватывает беглянку и ловко связывает её же поясом. Деловито интересуется:

– В доме ещё кто-то есть?

Пожимаю плечами, а вот малышка, о которой я почти успела забыть, произносит:

– Ещё кухарка Марта. Её сестра.

– Больше никого?

– Никого.

– Хорошо. На всякий случай запритесь и ждите меня здесь.

Глава 2

Малышка закрывает дверь на щеколду, потом возвращается, залезает на кровать, прижимается ко мне своим хрупким тельцем и робко спрашивает:

– Мама, теперь всё будет хорошо?

– Да, милая, – стараюсь вложить в ответ уверенность, которую совсем не испытываю.

– Они не разрешали мне к тебе приходить, а я так скучала! – губки малышки обиженно надуваются.

Сердце пропускает удар – именно так делала моя доченька, когда была жива. Не знаю, её ли душа в теле этого ребёнка, но раз так сложилось, что теперь я её мама – приложу все усилия, чтобы о ней позаботиться.

Прижимаю малышку к себе и говорю то, что должна в такой ситуации сказать хорошая мать:

– Я тоже по тебе скучала, милая.

Дочка начинает рассказывать, как ей жилось без меня. О том, что тётки были злые и она от них часто пряталась. Что уже созрели груши, поэтому она иногда бежит в сад их собирать. И мне может принести, если я захочу. Что в одном из сараев поселилась кошка вместе с котятками. Что ветер повалил дерево в парке. Что кукла осталась всего одна, но зато самая любимая.

Слушая её, радуюсь, что она воспринимала всё происходящее, как приключение.

Сложно сказать, как скоро раздаётся стук в дверь. Мужчина, на помощь которого я сейчас надеюсь, сообщает, что это он и что преступницы пойманы.

Дочка впускает его внутрь. Мужчина садится на стул возле изголовья и вздыхает:

– Жалею, что не приехал раньше. Узнав о смерти вашего мужа, месяц сомневался, стоит ли вас проводить. Кто же знал, что тут такое. Простите, госпожа, я не представился –поручик Рансон. Служил под началом вашего мужа, но был комиссован из-за ранения. Лекари сделали всё, что было в их силах, но так до конца и не смогли избавить меня от хромоты. Но я всё равно рад, что ваш муж спас мне жизнь. И рад, что теперь могу вернуть ему этот долг.

– Простите, – осторожно произношу я. – Я сейчас не в себе. Меня чем-то опаивали. Помню только своё имя и то, что у меня есть дочка, а остальное словно в тумане. И чувствую ужасную слабость.

– Точно! – Рансон хлопает себя по лбу. – Сейчас!

Ищет что-то в карманах, а затем достаёт кулон на цепочке и протягивает его мне:

– Возьмите! Он, конечно, заряжен не полностью, но вам должно хватить.

Растерянно беру кулон и с недоумением кручу в руках, рассматривая простой серебряный овал без какого-либо рисунка. Уточняю:

– Что значит «заряжен не полностью»?

– Простите! – спохватывается мужчина. – Вы, наверное, никогда раньше не видели таких артефактов. Как-то не подумал! Сожмите его в ладони, и он сам всё сделает.

Делаю, как он сказал, внутренне поражаясь, что в этом мире есть артефакты, а значит, и магия.

Чувствую, как по руке поднимается тёплая волна, и надеюсь, что всё идёт правильно. Очень хочется расспросить, как эта штука должна работать, только вдруг в этом мире такое каждый знает? Лучше держать язык за зубами.

Тёплая волна доходит до груди и словно растекается по телу. Голова проясняется окончательно, а из тела уходит слабость. Проверяю это, покрутив рукой и удовлетворённо улыбаясь – не показалось!

– Вы только не торопитесь вставать, – с улыбкой произносит Рансон. – С исцеляющими амулетами всегда так – кажется, что поправился, но стоит начать что-то делать, тут и понима-

ешь, что только кажется. Лекарь говорил, что магия лишь ставит латки и помогает быстрее восстановиться, но не излечивает одномоментно. Лучше не спешить и дать организму исцелиться полностью.

Улыбаюсь:

– Давно не мыслила настолько ясно.

– Не удивительно... Я вообще не понимаю, как вам удалось сохранить рассудок.

– Не думаю, что удалось, ведь я почти ничего не помню из того, что было до болезни, – качаю головой я.

– Это не беда. Со временем со всем разберётесь. Главное, что и вы, и ваша малышка живы. Сейчас соображу перекус, а завтра с утра поведу преступниц в город – за то, что они с вами пытались сделать, им прямой путь на плаху.

– И повариху?

– Так в сговоре они были. Я как припугнул, они всё и выложили. Ваша свекровь заплатила им, чтобы они избавились сперва от вашего нерождённого ребёночка, а потом и от вас. Конечно, будет их слово против слова баронессы, поэтому упечь её не получится. Но за свои злодеяния они заплатят.

– Спасибо вам.

– Да не за что. Ладно, пойду вам еды соображу.

– Спасибо.

– Я вам покажу, где что лежит, – дочка подхватывается с кровати, подбегает к мужчине и с важным видом берёт его за руку.

Когда дверь за ними закрывается и я остаюсь одна в тишине, то надеюсь, что мне это всё не приснилось, как показалось на мгновение.

Еду Рансон приносит через час. Яичницу, три куса ветчины и ломоть хлеба. Смущённо улыбается:

– Я в готовке-то не особо силён. Уж что смог.

– Спасибо вам! Всё выглядит очень вкусно, – и мой желудок подтверждает это голодным бульканьем.

Съедаю всё подчистую и запиваю водой. Сейчас эта еда кажется самым вкусным, что я ела в этом мире.

Рансон печально улыбается и забирает поднос. Уже почти выйдя за дверь, оборачивается:

– Я вам утром завтрак приготовлю и пойду. Постараюсь побыстрее, но тут уж как получится. Вечером вернусь.

– Спасибо.

– Добрых вам снов, госпожа Балтейн.

– Добрых снов.

Значит, мы с малышкой – Балтейн.

Когда он уходит, пробую встать. И у меня получается это сделать. Всё ещё немного чувствую слабость, но мне уже гораздо лучше.

В туалетной комнате смачиваю полотенце и обтираюсь, жалея, что не догадалась поискать чистую сорочку. Голышом возвращаться не рискую, так что приходится идти в комнату в грязной одежде.

Возле изголовья кровати обнаруживается небольшой шкаф. Открыв его, вижу зеркало. Наконец-то я могу рассмотреть, как теперь выгляжу.

Глава 3

Из отражения на меня с любопытством смотрит девушка с очень необычным цветом глаз – серым с ярко-зелёными прожилками. Пухлые губы, высокие скулы, белоснежная кожа, волосы золотистые и длинные, только жирные и нечёсанные. Под глазами залегли тени, да и фигура выглядит слишком худой: тонкие ручки и ножки, никаких жировых запасов на боках или животе. Она всегда такая была? Или это последствие приёма того дурманящего зелья?

На вид мне не дашь больше двадцати лет. Если дочке четыре, получается, я родила её в шестнадцать? Здесь принято рано выходить замуж и рано заводить детей? Нужно будет узнать.

То, что я теперь молода – это несомненный плюс. Никаких болей в спине и хронических болезней. Обнадёживает также наличие водопровода – я много смотрела и читала про прошлые эпохи, и времена, когда приходилось пользоваться горшком и нагревать воду, меня, как типичную городскую жительницу, всегда приводили в ужас. То, что здесь есть магия, тоже очень интересно. Нужно будет разузнать об этом.

На всякий случай вспоминаю фэнтезийные книги, кладу на тумбочку волосок и пытаюсь сдвинуть его силой мысли. Потом пробую зажечь свечу. Если у меня и есть магия, она никак себя не проявляет.

В шкафу обнаруживается пять платьев на вешалках, два из которых тёплые, два – летние, а одно явно праздничное; две ночные рубашки; три блузки; юбка и пять шортиков из бельевой ткани – вероятно, это замена трусам. Ещё нахожу свёрнутую шубу, тёплую шаль, кофту, ботинки, сапоги и сандалии.

Рансон называл меня баронессой. Как-то не так я себе представляла жизнь баронесс. Нужно постараться узнать об этом мире побольше. Но с другой стороны, вопросы могут вызвать подозрение. Ладно, сориентируюсь по ситуации.

Интересно, что там за окном? С усилием отдергиваю вбок тяжелую портьеру. Стекло бугристое, пыльное и грязное, но сквозь него с высоты второго этажа вижу неухоженный сад с плодовыми деревьями, трёхметровую каменную стену, за ней луг и лес, который тянется до горизонта.

Почувствовав усталость, возвращаюсь в кровать, и стоит моей голове коснуться подушки, проваливаюсь в сон. Снится мне девушка, которую я видела в зеркале. Она смотрит на меня заплаканными глазами и просит:

- Позаботься, пожалуйста, о моей девочке. Пожалуйста! Молю тебя!
- Я постараюсь сделать всё, что смогу, – отвечаю ей.
- Спасибо!

Утром просыпаюсь со странным ощущением, словно этот сон – не просто сон. Но не то чтобы меня это как-то особенно волнует – я бы в любом случае позаботилась о малышке и без всяких просьб. Если уж судьба дала мне шанс снова стать матерью, постараюсь этим шансом воспользоваться.

Поднявшись, чувствую, что сегодня сил у меня прибавилось. Умываюсь и переодеваюсь в платье, надеваю туфельки и отправляюсь обследовать место, в котором оказалась.

Пол настолько пыльный, что явно заметна дорожка, ведущая к лестнице, расположенной в середине коридора и делящей его на два крыла. В каждом крыле по четыре двери. Из любопытства заглядываю в ту, что расположена напротив моей, и обнаруживаю там кабинет. Стол и кресло закрыты чехлами, шкаф у окна выглядит обшарпанным, в углах паутина, всё покрыто пылью. Запах сырости.

Спускаюсь на первый этаж и оказываюсь в просторном холле. Здесь тоже пыльно. Похоже, экономка и кухарка совсем не убирались. По протоптанной среди пыли дорожке сворачиваю направо. Навстречу мне выбегает радостная дочка:

– Мама, ты проснулась!

Обнимает меня своими тоненькими ручками, и я обнимаю её в ответ. Спрашиваю:

– Где здесь кухня?

– Пойдём! Отведу тебя.

Малышка берёт меня за руку и ведёт по коридору, а затем открывает дверь, которой он заканчивается.

Кухня пять на пять метров. У одной стены расставлены шкафчики, мойка, плита необычного вида – четыре металлических круга на простой деревянной поверхности. В одном из углов свалены разломанные табуретки и остатки какой-то другой мебели. Повсюду мусор и грязная посуда. Более-менее чисто только на кухонном столе, где стоит сковорода с омлетом, тарелка с нарезанным хлебом и ломтями окорока.

Здесь есть две двери. За одной обнаруживаются ступени, ведущие вниз, за второй – небольшая веранда и выход на улицу.

– Дядя Рансон уже уехал и оставил нам завтрак, – важно сообщает дочка.

– Садись за стол. Сейчас помою тарелки и столовые приборы.

– Да, мама.

Вместо средства для мытья посуды лежит мыло, а вместо губки – тряпочка. Горячая вода есть, и это меня очень радует. Сперва хорошенько отмываю тряпочку, а уже потом берусь за посуду. Чтобы не заставлять малышку ждать, мою только то, что потребуется нам сейчас, но уже твёрдо знаю, что после завтрака займусь уборкой – жить в такой грязи совершенно не хочется.

Во время завтрака узнаю, что экономка и повариха молили господина Рансона о пощаде, но он на них совершенно не обращал внимания. Связал верёвкой, сел на коня и отправился в город. Девочка рассказывает это с такой радостью, что у меня невольно вырывается вопрос:

– Они тебя обижали?

Малышка немного тушует, а потом по-взрослому вздыхает:

– Это уже не имеет значения. Главное, что теперь ты поправились и мы снова вместе.

Значит, обижали. Но раз она не хочет об этом рассказывать, не настаиваю.

После завтрака улыбаюсь:

– Я сейчас схожу переоденусь, мы обследуем все комнаты этого дома и начнём уборку. В грязи живут только свинки, а мы ведь не они?

– Конечно, не они! – заверяет малышка. – Пойдём!

Подбегает и берёт меня за руку.

В комнате тщательнее осматриваю свои вещи. Выбираю блузку и юбку из тех, что похуже, а потом мы с дочкой отправляемся обследовать дом.

На втором этаже, помимо комнаты, в которой я проснулась, и кабинета, находится библиотека, каморка с лестницей, ведущей на чердак и перекрытой решеткой с навесным замком; ещё две спальни, гостиная и ванная комната с деревянной ванной. Из окна коридора можно рассмотреть ворота и просёлочную дорогу, которая начинается сразу за ними. А ещё крохотную деревеньку на горизонте. В остальном же кругом луг и лес.

На первом этаже рядом с кухней располагается спальня с отдельной ванной комнатой. Судя по оставленным вещам, здесь кто-то жил. С противоположной стороны за дверью обнаруживается коридорчик с четырьмя маленькими и не особенно уютными комнаткам, явно предназначенными для прислуги, и маленькая ванная комната.

Дочка проводит меня в одну из спален и произносит:

– А я вот тут жила. Видишь, за окном грушевое дерево? Можно перелезть через подоконник и сразу же покушать.

При взгляде на тонкий матрасик и латаное одеялко сердце сжимается от жалости. И когда дочка гордо демонстрирует свои «сокровища» – тканевую куклу без одной пуговицы, которой

обозначались глаза, в замызганном платье; камешек с дыркой; несколько лоскутков и крохотное зеркальце – становится ещё грустнее.

– А где твоя одежда? – интересуюсь я.

Она открывает небольшой сундучок, в котором находятся два летних платья, два более тёплых и три ночные рубашки. Вещи выглядят не так плачевно, как я ожидала, и это меня приободряет.

Ещё в этом крыле обнаруживается вторая спальня с остатками вещей, кабинет и просторная столовая, рассчитанная человек на двадцать.

Во втором крыле первого этажа расположились гостиная, туалетная комната, огромный балльный зал и выход в зимний сад, который сейчас выглядит засохшим – вероятно, его давно никто не поливал.

В комнатах пыльно, часть мебели скрыта чехлами, часть сломана. Выделяются светлые пятна на стенах – раньше, по-видимому, тут висели картины. Нет статуэток, подсвечников или других вещей, создающих уют.

Закончив с осмотром дома, выходим через главную дверь во двор. Передо мной дорожка, через двадцать метров заканчивающаяся покосившимися коваными воротами, и сад с фруктовыми деревьями, буйно заросший сорняками. Справа от ворот тропинка, ведущая к сараям. Заглянув внутрь первого, обнаруживаю там пустые стойла для десяти лошадей. Во втором сарае нахожу сломанную карету и кучи мусора.

Возвращаясь к дому, замечаю, что он каменный. Когда-то побеленный, но теперь побелка растрескалась, пожелтела, а местами и отвалилась.

Свернув на дорожку, огибающую дом, обнаруживаю дверь на кухню.

Прохожу дальше и попадаю на скотный двор. Никаких животных, кроме трёх кур и одного петуха, тут нет, но зато сами строения вполне неплохо сохранились.

Продолжая огибать дом, добредаю до выхода из зимнего сада, который я не заметила изнутри. Здесь небольшая мощёная площадка, с расставленными на ней каменными скамейками; клумба, заросшая сорняками, и дорожка, ведущая вглубь сада. Она приводит нас к небольшому пруду и полуразвалившейся беседке.

Возвращаемся в дом. Отыскиваю в одном из кухонных углов метлу, швабру и ведро. Поскольку занавески в этой комнате дырявые и отремонтировать их не представляется возможным, решаю пустить их на тряпки.

Прежде чем приступить к уборке, вместе с дочерью спускаемся в подвал. Он довольно большой – десять на пять метров. Вдоль одной из стен расставлены бочки из-под вина, но когда открываю краны, из них ничего не льется. Над бочками полки для вина, но бутылок на них нет.

С другой стороны с потолка свисают крюки. На одном из них висит окорок. В коробках и ларях у стены обнаруживаю около трёх килограммов муки, пару килограммов сахара, немного крупы, напоминающей рис; крупу, похожую на перловку; горку картофелин, пяток морковок и луковицу. Довольно скудные запасы. Как только вернётся Рансон, нужно будет расспросить его, где можно добыть продукты. А ещё неплохо бы поискать деньги – есть у меня подозрение, просто так мне никто ничего давать не будет.

Уборку решаю начать с кухни. Дочке поручаю вынести отсюда весь мусор, а сама отчищаю стол и принимаюсь за мытьё посуды.

Глава 4

Закончив с посудой, начинаю разбирать шкафчики. В одном нахожу соль, соду, уксус и большую бутылку растительного масла. Во втором – деревянную коробочку с сухофруктами, жестяную с чаем и ещё одну с засохшим печеньем.

В других шкафчиках обнаруживается посуда и различные принадлежности для готовки: противни, сковороды, кастрюли, половники и тому подобное.

Открыв очередной, неожиданно нахожу в нём кусок мяса и сливочное масло. На ощупь они холодные, но никакого льда или чего-то подобного нет. Стенки шкафчика прохладные, но как будто равномерно. Неужели магия? Насколько будет странно, если я об этом спрошу? А вдруг здесь это каждый знает? Лучше уж приберегу вопросы для каких-то более важных случаев. В конце концов, какая мне разница? Главное, что работает.

В ходе дальнейшей уборки обнаруживаю большую жестяную коробку со свечами и металлической палочкой, на боку которой нарисована какая-то закорючка. Зажигалка? Экспериментировать не решаюсь.

Отмыв кухонный уголок, возвращаюсь в кладовку и набираю продукты для супа. Посмотрев на коробку с яйцами, спохватываюсь – если Рансон связал кухарку и экономку еще вчера, куры наверняка голодные. Уточняю у дочки:

– А ты знаешь, чем кормят кур?

– Конечно! – восклицает она. – Пойдём, покажу.

Малышка приводит меня на скотный двор, заходит в один из сараев и откидывает крышку с небольшого деревянного бочонка:

– Пары горстей будет достаточно. И нужно обязательно плотно закрыть, чтобы мышки не забрались.

– Понятно.

– А ещё нужно посмотреть, снесли ли курочки яички.

– Хорошо.

Покормив кур и отыскав два яйца в курятнике, возвращаемся в дом. Я приступаю к приготовлению супа. Наливаю в кастрюлю воду и озадаченно хмурюсь: совершенно непонятно, как включить плиту. Опять выручает дочка. Она откидывает часть боковой панели и показывает регуляторы температуры для каждой из конфорок. Стоит повернуть один из них, как конфорка моментально краснеет.

Пока вода закипает, успеваю покрошить четверть луковицы, морковку, несколько кусочков окорока и добавить горсть крупы. Жалею, что нет приправ, но уж как есть.

Пока готовится суп, убираю паутину, отмываю окно и пять целых табуреток. Под конец чувствую себя очень уставшей, но довольной – теперь будем есть в чистоте.

Пообедав, с трудом поднимаюсь к себе в комнату и ложусь на кровать. Дочка какое-то время сидит со мной, а потом убегает.

Просыпаюсь ближе к вечеру. На кухне Рансон ест суп. Увидев меня, встаёт с места и кланяется:

– Госпожа, вам уже лучше?

– Да, – киваю я. – Даже нашла в себе силы для уборки.

– Вам не стоило! Вы же знатная дама! Наверняка дом вам достался с деревенькой, а то и с несколькими – завтра можем сходить к старосте и попросить помощи с уборкой.

– Не люблю есть в грязи, – улыбаюсь я. – Как ваша поездка?

– Отвёз этих злодеек в город и сдал следователю. Тот с ними особо не церемонился – надавил, да они во всём и сознались. Повесят их. Оказалось, одна зелье варила, а вторая вам

спайвала, так что виноваты обе. Не переживайте, я с вами останусь и помогу чем смогу, одну не оставляю.

– Спасибо, – искренне благодарю я. – Если честно, мне немного страшно остаться здесь одной – я ведь даже не помню, что это за место и как я здесь оказалась. И как жить дальше, совершенно не знаю.

– Совсем ничего не помните?

– Что-то помню. Своё имя, например. И дочку. На этом всё.

– Я вам много не расскажу. Мы с покойным бароном не так чтобы шибко дружили. Но человеком он был хорошим, надёжным, и вас очень любил.

– Он был военным?

– Да. Генералом. Как вы забеременели, так на год домой вернулся, а потом снова в армию.

– Сейчас война?

– Нет. Но соседи бывает балуют, да и контрабандисты всякие, мародёры, бандиты. Вот и посылают армию, чтобы стишить.

– Как умер мой муж?

– В стычке с соседями. Как мне рассказывали, солдат спас, а себя не уберёг – арбалет прямо в глаз попал. Видать, какой-то враг притаился, да и отомстил.

– Давно это было?

– Четыре месяца назад. Я в запасе был, как раз в госпитале поправлялся после ранения.

От солдат и узнал.

– Но этот дом выглядит нежилым. Мы до этого жили в другом месте?

– А то! В столице.

– Но как тогда мы с дочкой оказались здесь?

– Когда пришёл в тот дом, выяснил, что сейчас там проживают мать барона и его младший брат, а вас нет. На порог меня не пустили, но я слуг поспрашивал и выяснил, что вы уехали в усадьбу. Подробностей не знаю, вы уж не обессудьте. А вы никаких бумаг не находили?

Качаю головой:

– Нет, но я и не искала.

– Думаю, в вещах этой так называемой экономки что-то может быть. Но лучше давайте завтра поищем – пока мы не знаем, как обстоят дела с деньгами, стоит экономить. И на свечах тоже.

– Разумно.

С улицы прибегает дочка и вываливает на стол несколько груш и яблок:

– Мамочка, попробуй – они такие вкусные!

– Давай сперва поедим чего-нибудь более основательного, – предлагаю я.

– Хорошо, – соглашается дочка и садится за стол.

Супа не осталось, поэтому отмываю кастрюлю, а потом варю рисовую кашу с маслом и сухофруктами. Хотелось бы ещё и с молоком, но его у нас нет. Тем не менее дочка с удовольствием уплетает и такую. Да и мне вкусно.

– Не думал, что вы умеете готовить, – задумчиво произносит Рансон.

Пока корю себя за излишнюю инициативу и пытаюсь придумать оправдание, дочка произносит:

– Моя мама умеет всё! Она даже пироги печёт. Папа очень любил, когда она готовила.

Не знаю, кто больше этому удивляется – я или Рансон. Только я своё удивление стараюсь скрыть. Как-то будни баронессы мне представлялись иначе.

– Понятно, – озадаченно произносит мужчина. – А чем ещё твоя мама занималась?

– Шила мне кукол и красивые платица, вот только все они дома остались.

– Понятно.

Переводит вопросительный взгляд на меня, но я развожу руками – сложно подтвердить или опровергнуть то, чего я не помню.

После ужина очень хочется помыться. Можно было бы сделать это в ванной комнате, где раньше жила то ли повариха, то ли экономка, но испытываю брезгливость. Поэтому захожу туда, только чтобы взять баночки и бутылочки, стоящие на бортике, потом беру принадлежности для уборки и поднимаюсь вверх.

Отмыв ванную комнату на втором этаже, кладу на стул чистую одежду и уже начинаю раздеваться, как вдруг понимаю, что полотенца у меня нет. Приходится спуститься и порыться в чужих вещах. В одной из комнат половина шкафа занята полотенцами и стопками постельного белья, так что беру нужное и наконец-то приступаю к очищению тела.

Опустившись в тёплую воду, сперва радуюсь, что у меня есть такая возможность, а потом задумываюсь о том, как вообще в этом доме нагревается вода. Электричества нет, и не думаю, что здесь есть центральный водопровод. Может быть, магия? Или дело в артефактах, о которых рассказывал Рансон? Не знаю, как тут всё работает, но лучше бы уточнить.

Отмывшись, надев чистое и расчесав волосы, спускаюсь на первый этаж.

Дочка играет в своей комнате с куклой, но стоит мне переступить порог, она сразу подбегает ко мне обниматься. Обнимаю в ответ, а потом отвожу в ванную. Помогаю отмыться, переодеваю в чистую одежду и укладываю спать.

– Мапочка, а ты расскажешь мне сказку? – спрашивает малышка.

– Конечно, – улыбаюсь я, а сама судорожно начинаю вспоминать что-нибудь подходящее.

Вспоминается сказка про колобка. Малышка слушает с восторгом. Затем желаем друг другу добрых снов, и я отправляюсь в свою комнату. Казалось бы, столько спала, что уснуть должно быть сложно, но ничего подобного.

Утром застаю хозяйничающего на кухне Рансона. Она ставит в центр стола сковороду с поджаренным окороком и яичницей. Мне же остаётся расставить тарелки и позвать к завтраку дочку.

Отставив пустую тарелку, Рансон напоминает:

– Госпожа, самое время поискать бумаги. Скорее всего, деревенька неподалёку ваша, но лучше уточнить. Да и нужно разобрать вещи этих негодяек. Им они больше не пригодятся.

– Хорошо.

В комнате с ванной обнаруживаю сундук с бумагами. Среди них книга, похожая на бухгалтерскую. Заметно, что раньше записи велись скрупулёзно и другим почерком, а вот последние уже не особенно разборчивые.

Нахожу бумаги на усадьбу. В них указано, что она передаётся Аннари Балтейн, и к её территории принадлежит деревня на шесть дворов, охотничьи угодья, луга и часть реки. Там же обнаруживаю мешочек с шестьюдесятью золотыми. Завещания нет, поэтому непонятно, полагается ли мне что-то ещё.

Обрадованная находкой, откладываю дальнейший разбор вещей и отправляюсь к Рансону. Он перечитывает бумаги, а потом хмурится:

– Вдовам обычно выделяют содержание. Да и дочка у вас в законном браке, признанная, так что ей тоже должны были выделить содержание и наследство. Нужно съездить в город и проверить банковский счёт – возможно, деньги перечисляются на него. До наступления холодов ещё есть около месяца, так что лучше с этим вопросом не затягивать.

– Чем вы посоветуете мне заняться сначала?

– Давайте сходим в деревеньку. Вам нужно попросить отчёты у старосты, узнать, выплатил ли он вам в этом году налог. Он определит женщин для уборки, а ещё тех, кто может стать прислугой. Но деревенька маленькая, так что на многое не рассчитывайте. А для ремонта лучше нанять кого-то в городе.

– А продукты? У нас их осталось не так уж много.

– А вот в городе и купим. Староста должен выделять для поездки лошадь и телегу. Карет и верховых, ясное дело, у них не будет. А ещё нам в городе обязательно нужно будет прикупить магический накопитель. Думается мне, ваши тюремщицы не планировали здесь надолго задерживаться, поэтому если и заряжали артефакты, то на короткий срок.

Стараясь не выдавать удивления по поводу того, что в доме есть артефакты, которые требуется заряжать, уточняю:

– А можно как-то проверить заряд артефактов?

– Конечно, госпожа. Обычно сердце дома располагается в подвале. Пойдёмте поглядим.

Глава 5

Казалось, я в подвале уже всё видела, и теперь уверена, что ничего, похожего на артефакт, там нет, но не спешу высказываться – слишком мало знаю об этом мире, чтобы умничать. Вполне могла по неопытности не опознать артефакт.

Рансон внимательно осматривает стены подвала, а потом уверенно дёргает один из подсвечников. Слышится скрежет и часть стены отъезжает в сторону.

С удивлением рассматриваю ряд белых камней с нарисованными на них рунами. Какие-то камни едва светятся, какие-то не светятся совсем.

– Что тут у нас? – деловито произносит Рансон. – Защитный артефакт выдохся, от птиц – вот-вот закончится, нагревателя воды хватит на месяц, плита продержится два, холодильный шкаф – пять недель, защиты от грызунов и жучков в подвале хватит на год. Не так плохо, как я опасался.

Решаюсь уточнить:

– А как вы это поняли?

– Подойдите поближе. Видите, тут отметки сбоку на камнях?

Приглядевшись, действительно их замечаю.

– Обычно в таких домах артефакты ставят с расчётом, чтобы на пять лет хватило. Каждая чёрточка – один год. Видите, на артефакте от грызунов вся отметка светится?

– Вижу.

– Вот! Значит, на год его хватит.

– А как вы поняли, что нагревателя воды хватит на месяц?

– Так чёрточка же!

– Но ведь наверняка количество воды рассчитывалось на то, что дом будет постоянно заселён – вон сколько комнат – а нас всего трое.

– И то верно! Значит, на подольше хватит. Но всё равно лучше прикупить магический накопитель – зимой-то мы до города добраться не сможем.

– Зимы здесь настолько снежные?

– Конечно. И дороги, как вы в ваших столицах привыкли, никто не чистит. Да и опаснее зимой – волки могут начать лютовать.

Только волков мне и не хватало! Решаю пока уточнить другое:

– Может быть, стоит попробовать доехать до столицы и разобраться с завещанием?

– Копия у законника наверняка будет. А если даже ваш муж не оставил завещания, нелишне уточнить про вашу долю.

– А сколько займёт путь до столицы?

– На портале мгновенно, но потребуется сто золотых только в одну сторону. На дорожной карете путь два месяца займёт. И умаетесь – целый день в дороге не каждый сдюжит. А с караваном и того дольше – даже если найдёте такой, который до столицы напрямик идёт, всё равно он будет на торг останавливаться – месяца четыре, не меньше. Зато и безопаснее. Но если снег выпадет, в некоторые дни придётся метель пережить. И вообще, продвижение будет очень медленным. Да и холодно. В общем, советую я вам это до весны отложить – как дороги просохнут, так и ехать можно. А по стоимости... Сложно сказать. Там ведь ещё и на постоянных дворах платить нужно будет, и кушать что-то. Думаю, в десять золотых уложитесь, если с караваном. А если на дорожной карете, то и все тридцать.

– А на своей карете нельзя?

– Тогда нужно будет охрану нанимать, а это в денежку встанет. Потребуется минимум пять охранников. Каждому по золотому, ночлег и еду – то на то и выйдет.

– Чтобы съездить в ближайший город тоже охрана нужна будет?

– Тут места глухие, далёкие от тракта, поэтому бандиты редкость. К тому же я с вами поеду, и староста мужиков выделит, так что бояться нечего.

– Значит, вы советуете подождать до весны, а потом уже в столицу ехать?

– Верно.

– А как можно узнать, что мне должны платить деревенские?

– Так у старосты должна быть учётная книга. В ней он пишет, когда и что отдавал. Обычно десятая часть урожая, но могут и деньгами. А ещё деревенские должны отрабатывать по дню в месяц.

– Каждый или одна семья?

– Все, кому стукнуло двадцать один.

– Понятно. Ладно, тогда позову дочку и пойдём сейчас. Лучше не откладывать.

– В этом платье? – он с сомнением осматривает мой наряд.

– А что с ним не так?

– Вам лучше понаряднее одеться, чтобы сразу правильно себя поставить. Чтобы видно было, что госпожа пришла.

– Ладно, тогда переоденусь и дочку переодеться попрошу... Вы же поможете мне со старостой?

– А то! Уж в нужде не оставлю.

Переобуваюсь в ботинки, потому что они выглядят понаряднее туфель; выбираю блузку, отделанную у ворота кружевами, и самую приличную юбку. Потом помогаю переодеться в более приличное платье дочке и мы возвращаемся к Рансону.

Он меня оглядывает и качает головой:

– Не хватает украшений.

– В своих вещах я их не нашла.

– Тогда нужно осмотреть вещи экономки и поварихи – зуб даю, обнесли они вас.

– Так и сделаем.

Чтобы сэкономить время, осматриваем разные комнаты. Я выбираю ту, в которой нашла бумаги. Под бумагами обнаруживаю несколько отрезков ткани, а на самом дне деревянную шка-тулку. В ней нахожу ещё десять золотых монет, комплект с изумрудами и три золотых кольца, одно из которых с бриллиантом.

Переношу добычу на кухню. Рансон заходит следом и выкладывает на стол пять пар серёжек и два браслета:

– Вот же гадины! Им такое явно не по карману было.

– Это мамино! – подтверждает дочка. – Изумрудное ей папа на свадьбу подарил. А кольцо и серьги с бриллиантами – на моё рождение. Остальное – на годовщины и её дни рождения.

Решаю посоветоваться с Рансоном:

– И что мне лучше всего из этого надеть?

– Колье – слишком будет. А вот кольца, браслет и серьги с бриллиантами – то, что нужно.

– Хорошо.

Следую его совету, и мы отправляемся знакомиться со старостой.

Глава 6

Деревенька, в которую мы приходим, действительно всего на шесть дворов. Дома и заборы сделаны из дерева. Выглядит всё аккуратно, что меня радует. Привычных огородов нет, зато за деревенькой тянутся поля.

Рансон выбирает самый большой дом и стучится. На стук выходит высокий и мощный мужик с длинной чёрной бородой. Улыбается неприветливо:

– Чего надобно?

– Ты как с госпожой разговариваешь?! – возмущенно шипит Рансон.

Мужик испуганно округляет глаза и сгибается в поклоне:

– Прощевания прошу, госпожа. Прощевания прошу – сослепу не признал!

– Ничего страшного, – произношу я, надеясь, что реагирую правильно.

Рансон одобрительно мне кивает и строгим голосом спрашивает:

– Ты староста?

– Я.

– Дело у нас к тебе.

– Проходите в избу, там и поговорим. Игнатом меня зовут. Жена моя враз стол накроет. За едой оно всяко приятнее.

Пройдя просторные сени, попадаем в большую комнату, у одной стены которой вижу русскую печь, какие можно встретить наших деревнях. Окна занавешены светлой льняной тканью, на полу шкура какого-то зверя, в шкафу расставлены глиняные тарелки и другая посуда. У окна длинный стол, за который нам и предлагает сесть староста. А потом гаркает:

– Марыся!

На кухню вбегает полноватая брюнетка в сарафане, на ходу привычно заводя:

– И чего ты... – но увидев нас, осекается.

– Госпожа наша пожаловала в гости, – важно произносит мужик. – Собери на стол.

Женщина начинает суетиться и носиться по комнате. Наблюдаю за ней молча. Неудобно себя чувствую, но поскольку Рансон ничего не говорит, молчу и я.

Через десять минут на столе оказывается кувшин с молоком, тарелка с ломтями белого хлеба, рассыпчатый творог, тарелка с мёдом, копчёное мясо и пирожки.

– Можно? – прежде чем что-то взять, спрашивает у меня дочка.

– Можно, – заверяю я.

Она накладывает в тарелку творог, поливает его мёдом и просит налить ей молоко. Рансон сооружает себе пару бутербродов. Я съедаю пирожок и хвалю хозяйку:

– Спасибо за угощение – очень вкусно.

– Ох, – она явно смущается. – Спасибо, госпожа.

– Вы, стало быть, уже поправились? Рад, очень рад, – произносит Игнат.

– Поправилась, – кивает Рансон. – И теперь хочет на учётные книги взглянуть, да и заняться восстановлением поместья.

– Собираетесь остаться у нас на зиму?

Староста адресует вопрос мне, но отвечает ему снова Рансон:

– Да, госпожа будет зимовать в поместье.

– А вы кто такой будете?

– Так экономом я новый.

– А со старой эконожкой что?

– Нечистой на руку оказалась, вот госпожа её и выставила.

– Это хорошо, – одобрительно кивает староста. – Мне она сразу не понравилась... Сейчас я все книги вам принесу. Налоги в королевскую казну исправно платим, а десятину для господ я на деньги обменивал, да оставлял. Всё до копеечки сберёг. За все пять лет.

Староста приносит книги учёта, которые похожи на полуобщиные тетради с плотными листами. Там написано, какой у кого был урожай, надои, кто сколько дичи принёс и так далее; рядом стоит сумма налога в казну и та, что полагается мне.

Получается в год два золотых плюс одна-две серебряные монеты. Интересно, хватит ли этого нам с дочерью, чтобы нормально жить? Как-то я в этом не уверена.

Староста отдаёт мне деньги, а Рансон произносит:

– В этом году возьмём десятину урожаем. А ещё нам нужны люди, чтобы привести дом в порядок. И слуги.

– С домом мы вам поможем. После обеда бабы с леса вернутся, пришлю вам нескольких. И мужиков, чтобы, значаща, траву в саду покосили и ещё, что нужно. Дрова тоже привезём. А вот со слугами сложнее – у нас всего шесть дворов. Так сразу и не соображу, кого можно к вам определить.

– Так ты Асю отправь, – подсказывает его жена, а для нас поясняет: – Сирота она, племянница Миколы нашего. Сестра евовая померла, а дочку отправили к нему жить. Девка ещё в пору не вошла, но по дому всё умеет. У Миколы своих пятеро, он рад будет племянницу пристроить.

– Это да! – соглашается староста. – А кухарку в городе лучше наймите. Как вернётся Ася, так я и скажу ей к вам бежать.

– Договорились, – кивает Рансон. – Ещё госпоже в город нужно.

– Через три дня сам и отвезу. Правда, экипажов у нас нет.

– Ничего страшного, – заверяю я.

– Как скажете.

Прощаемся довольные друг другом.

Становится интересно, какие тут цены. Если с шести дворов десятая часть их урожая и добычи оценивается в два золотых, я, получается, богата? Или нет?

Как только уходим из деревни, решаю это выяснить.

– Рансон, расскажи, пожалуйста, о местных ценах. Сколько стоит зарядить наши артефакты, сколько уйдёт на закупку продуктов на зиму? А ещё для дочки нужно будет купить одежду на холодное время – в её вещах я никакой тёплой верхней одежды не нашла.

– Чтобы зарядить все артефакты на год, придётся прикупить магических накопителей золотых на двадцать. Про одежду и обувь не скажу, но не дешевле, чем три серебряных – вы же не можете абы какую брать, шубу нужно и сапожки справные. Ещё я советую корову прикупить – это пять золотых. И кур побольше, чтобы зимой у нас мясо было. Лекарский амулет хороший – пять золотых. Чтобы мой зарядить – один золотой. Тут уж экономить не стоит – место глухое и всякое может случиться. Ещё я заметил шесть разбитых окон и семь треснутых – их тоже лучше заменить. В пару золотых встанет. Асе платить не нужно, только комнату выделить и кормить; но следует ей давать раз в полгода ткань на платье. С продуктами сложнее. Староста с деревенскими передаст то, что вам полагается, но в городе всё равно придётся закупиться основательно. Сколько стоит нанять повариху, я не знаю – нужно будет в работном доме спросить. И вы, наверное, ещё служанку захотите?

– Не нужно служанку, – качаю головой я. – Так справимся. Ещё неизвестно, получу ли я деньги помимо тех, что нашли и староста дал, поэтому лучше пока экономить.

– Если к соседям выезжать, так ещё нужно будет экипаж починить, да коня прикупить. О! Животным корм тоже нужно будет запасти, если староста не передаст.

– Я пока не собираюсь никуда выезжать, – открещиваюсь я.

– Вот и зря. Я эти места плохо знаю, но вы могли бы какому соседу приглануться.

– Давайте пока без этого!

– Вашей дочке в следующем году пять исполняется?

– Не помню, – вынуждена признать я.

– Да, мне летом пять стукнет, – сообщает малышка.

– Вот! Значица, нужно будет гувернантку нанять, чтобы обучала грамоте, счёту и прочим наукам, какие положено знать благородным девицам.

Качаю головой:

– Давайте пока займёмся тем, что нам до весны понадобится. А об остальном позаботимся, когда время придёт.

– Как скажете.

– Помогите, пожалуйста, составить список того, что нам нужно будет докупить.

– Со списком вы это хорошо придумали. Я поразмышляю, что нам нужно будет, и напишу. А ещё когда кухарку наймём, неплохо будет, если она тоже подскажет.

На обед жарю мясо из холодильного шкафа и варю кашу. Рансон ворчит, что не господское это дело, и вызывается помогать. Заверяю, что и сама справлюсь. Не то чтобы я не доверяла его кулинарным талантам, просто мне проще самой. Да и как-то не привыкла к тому, чтобы мужчина готовил – и мой отец, и мой муж приходили на кухню, только чтобы поесть.

Задумываюсь о том, что если оставлю всё как есть, нам с дочкой придётся отказаться от горячей воды – накопители стоят больше, чем мой годовой доход. Значит, нужно думать о том, где ещё я могу взять деньги.

Я верю Рансону, когда он говорит, что покойный муж должен был оставить мне содержание. Нужно не забыть проверить в банке, есть ли на моё имя счёт и есть ли на этом счету деньги. Но предчувствие говорит, что рассчитывать на это особо не стоит.

Вариант выйти замуж я не рассматриваю – не хочу без любви. Да и весь остаток жизни провести в этой глуши для меня, всю жизнь прожившей в городе, будет сложно. Не то чтобы я завсегдатай театров и вечеринок, но мне нравится, когда вокруг бурлит жизнь. Нравится ходить по магазинам, кофейням, рынкам. А тут нет телевизора и компьютера с интернетом – чем я буду заниматься зимними вечерами в этом глухом месте, совершенно непонятно.

В книгах попаданки часто «изобретали» что-то в мире, в который попали. Кто-то кружева изготавливал, кто-то доктором работал, кто-то открывал кондитерские, кто-то стёкла делал или ещё что-то технологичное. Кружева я плести не умею, в физике и химии понимаю не особенно много, так же как и в механизмах. Помню только про рессоры, потому что в одной из фэнтезийных книг героиня привнесла это новшество в мир, мне стало интересно, что это такое, поэтому я покопалась в интернете и разобралась, как эта конструкция работает. Но если городок маленький, не думаю, что это знание мне пригодится.

Ладно. Надо сперва посмотреть, что и за какие деньги продают в городе, а потом определяться. А ещё не мешало бы узнать, какие у меня в этом новом мире права и обязанности. Не хочется что-то ненароком нарушить. И лучше выяснить, смогу ли я вообще открыть здесь своё дело – а вдруг законами такое запрещено.

Глава 7

Идея со списком действительно хороша. Вот только если местный язык я каким-то образом понимаю и читать тоже получается, то с письмом это не работает. Пусть уж Рансон сам составит список, а я если что дополню.

Судя по всему, мне придётся зимовать в этой усадьбе. Вода нагревается с помощью артефакта, а вот ничего похожего на батареи я не видела. Зато в комнатах есть камины или печки. Как я успела заметить, некоторые из них работают сразу на два помещения. Если останусь в своей комнате и размещу дочку в соседней, придётся протапливать не только спальни, но ещё и коридор с холлом. И ванну тоже.

Пожалуй, стоит перебраться в то крыло, где находится кухня. Если мы закроем дверь, ведущую в холл, и будем пользоваться кухонной дверью, чтобы выйти на улицу, дров уйдёт меньше.

И переселиться в спальню на первом этаже. И переселить дочку во вторую спальню в том же крыле.

Рансон ночует в комнате прислуги, но можно переделать под его спальню кабинет. А столовую – в гостиную.

Чем дольше кручу эту идею в голове, тем больше мне она нравится. Озвучиваю её Рансону. Он какое-то время думает, а потом произносит:

– Знаете, пожалуй, лучше так и сделать. Только насчёт меня вы зря беспокоитесь – я много лет служил в армии и привык к гораздо худшим условиям. От более удобного матраса я бы не отказался, но в остальном моя комната меня вполне устраивает.

– Вы уверены?

– Конечно. Раз уж мы решили устроить перестановку, нам следует заранее определиться, какую мебель в какую комнату нужно перенести.

– Конечно. Пойдёмте.

Обстановка гостевых спален меня почти устраивает. В будущей спальне дочки нужно убрать часть мебели, а в свою комнату я присматриваю удобное кресло, журнальный столик и настольную лампу. Проводов у неё нет, а вместо лампочки круглый стеклянный шар. Нажимаю на выключатель, но он не загорается.

– Мы с вами забыли, что нужно будет ещё зарядить осветительные артефакты, – вздыхает Рансон.

– Это дорого?

– Если будем заряжать только те, что в этом крыле, в золотой уложимся.

– Понятно.

Продолжаем осмотр. Мебель в гостиной первого этажа мне не особенно нравится – белая с золотом ткань обивки кажется слишком маркой. А вот тёмно-синяя на втором – отлично подходит. Также решаю, что стоит перенести один из книжных шкафов – собираюсь за зиму прочитать как можно больше книг, чтобы узнать о местной жизни. Каждый раз подниматься для этого наверх не хочется.

У входа на чердак останавливаюсь в задумчивости, но всё-таки спрашиваю у Рансона:

– Вы можете его открыть?

– Конечно, – кивает он.

Достаёт нож, ковыряется в замке около минуты, а потом мы слышим долгожданный щелчок. Не думала, что военных учат открывать замки, но сейчас это умение кстати.

На чердаке ещё более пыльно, чем внизу. Здесь много какой-то мебели, накрытой чехлами, и деревянных ящиков разных размеров. Рансон просит меня остаться у двери, а сам

отправляется вглубь. Поднимает несколько чехлов, выборочно заглядывает в коробки, и потом сообщает:

– Мебель, которая здесь находится, или устарела, или сломана. В двух ящиках одежда, в остальных – картины и статуэтки. Пыли столько, что вам лучше подождать, пока здесь уберутся, прежде чем заходить самой.

– Хорошо. Так и поступим.

Когда спускаемся на первый этаж, к нам подбегает дочка:

– Вот вы где! А я вас искала.

– Мы осматривали дом, – улыбаюсь я. – Хочу переделать несколько комнат. И ещё сделать нам с тобой спальни на первом этаже.

– И мне тоже?

– И тебе тоже.

– Здорово! А если у меня будет своя большая комната, могу я перенести в неё кошку с котятами?

– Конечно, милая. Пойдём на неё посмотрим.

Кошка обнаруживается в сарае скотного двора. Дочка зовёт её:

– Чернышка! Выходи! Хочу познакомить тебя с мамой.

Из-за кучи хлама выглядывает сперва пушистая чёрная мордочка с удлинёнными ушками и ярко-жёлтыми глазами, а потом и целиком выходит животное размером с ротвейлера. Чёрное и пушистое, с длинным пушистым кошачьим хвостом.

Пока я удивлённо хлопаю глазами, Рансон спокойным голосом спрашивает:

– Татина, ты дала ей имя, и она на него откликается?

– Конечно! – уверенно заявляет девочка.

А я понимаю, что впервые слышу, как зовут мою дочь. Её имя так похоже на имя Татьяна, которое было у моей дочери на Земле, что сердце пропускает удар. Удивительное совпадение.

– Похоже, у вашей дочки есть магический дар.

– Почему вы так думаете? – уточняю я.

– Это же амани, – кивает он головой на кошку, – они очень умные и осторожные. Только маги умеют находить с ними общий язык.

– Она не опасна?

– Для Татины – нет. Наоборот. Кошка будет её защищать и не причинит ей вреда. Татина, спроси, хочет ли твоя подруга переселиться в твою комнату.

– Конечно! – соглашается девочка.

Подходит к кошке, гладит её по голове, а потом улыбается:

– Она говорит, что через пять дней её котята станут совсем взрослыми, и после этого она будет жить со мной.

– Хорошо. Может быть, ей что-то нужно?

Девочка молча ещё несколько раз гладит пушистую голову кошки, а потом улыбается:

– У Чернышки всё есть. Кроме молока, но его нет и у нас.

– Ничего, когда купим корову – будет.

– Отлично! Чернышка очень рада.

Пока возвращаемся, взволнованно уточняю у дочки:

– Ты общалась с кошкой мысленно?

– Да. Это совсем несложно.

– О!

Когда малышка убегает гулять, с тревогой спрашиваю у Рансона:

– Получается, моя дочка – маг?

– Раз уж она умеет общаться с кошкой мысленно – определённо маг.

– И что нам с этим нужно делать?

– Обычно магические способности проявляются в подростковом возрасте. Ребёнка отводят в храм и жрецы определяют точно силу дара и его направленность.

– А потом?

– А потом можно либо развивать дар, либо не развивать. В первом случае ребёнка отдают в специальные школы или академии.

– То, что у неё магический дар пробудился так рано, не опасно?

– Нет... Вы совсем ничего не помните о магии?

– Не помню.

– Тогда слушайте. Маги могут влиять на своё тело – обычно они здоровее остальных, редко болеют и живут дольше. Если маг не особенно сильный – на этом всё.

– А если сильный?

– Это зависит от направления дара. Стихийные маги способны поднимать лёгкие предметы, ускорять рост растений, еда у них получается вкуснее. А есть ещё маги пространственные. Здесь с умениями сложнее и никто толком не может сказать, на что именно они способны.

– Почему?

– Это засекреченная информация.

– Если Татина мысленно общается с кошкой, значит, она – пространственный маг?

– Не обязательно. Они общаются таким образом из-за кошки, а не из-за способностей девочки.

– Как вы думаете, стоит ли нам проверить способности дочки, когда будем в городе?

– Не вижу в этом смысла. Она ещё слишком мала, чтобы учиться.

– Хорошо... А что умеют сильные маги после обучения? Чему вообще их учат?

– Они изучают заклинания и выясняют, какое направление им ближе: лекарское, сельскохозяйственное или бытовое.

– А в армии силы магов не используют?

– Только для наложения защитных и укрепляющих заклинаний. Этим занимаются бытовые маги.

– А если маг не особенно сильный?

– Маг со средней силой может изготавливать артефакты, а слабые – создавать накопители.

– Понятно.

– Вам следует знать ещё вот что – лучше никому не рассказывать о том, что у вашей дочери магический дар.

– Почему?

– Могут появиться кавалеры, которые будут ухаживать за ней только потому, что она станет магом. Пока, конечно, говорить об этом рано, но дети быстро растут.

– А у вас есть дети?

– Боги нас с моей покойной женой детьми так и не благословили.

– Простите за бестактный вопрос.

– Ничего страшного.

– Но разве о том, что у неё есть магический дар, не узнает любой, кто увидит её кошку?

– Простые крестьяне не поймут, что это кошка аmani. А тем, кто может понять, она и сама на глаза не покажется. Вам только нужно объяснить дочке, что всем о ней рассказывать не стоит.

– В смысле не покажется? Но ведь нам она показалась.

– Только потому, что вы мать Татины.

– А вы?

– Видимо, она почувствовала, что я не причиню вреда маленькой госпоже и вам.

– Нам нужно будет кормить и кошку тоже?

– Эти кошки – прекрасные охотницы, так что можно сильно не беспокоиться. Когда купим корову, будем давать ей молоко.

– Если мы купим корову, нам ведь ещё и корм для неё придётся приобрести?

– Завтра я схожу в деревню и переговорю со старостой.

– Спасибо!

– И ещё на всякий случай хочу вас предупредить, чтобы вы сами ни в коем случае не помогали с уборкой. Ваше дело – смотреть, чтобы работники всё хорошо делали, и командовать.

– Хорошо.

– Важно сразу поставить себя так, чтобы вызвать уважение. То, что вы сами убираете и готовите – немыслимо.

– Хорошо.

Нас отвлекает шум. Оказывается, это пришли селяне: три мужика, четыре женщины и три девочки, одна из которых с объёмным тюком в руках. Высокая блондинка с объёмными формами, выступает вперёд:

– Здоровы будьте, госпожа. Нас это... староста, значица, прислал помочь вам. Вы уж нам скажите, что делать надобно, а мы уж расстараемся. Ежели сегодня не успеем, так завтра после обеда ещё придём.

– Хорошо.

– А я Ася, – выступает вперёд девушка с тюком.

Голубые глаза смотрят чуть испуганно. Чтобы успокоить её, улыбаюсь:

– Привет, Ася. Сейчас распоряжусь насчёт уборки, а потом покажу тебе твою комнату.

– У меня будет собственная комната?

– Да.

– О!

Испуг сменяется радостью. Но это и не удивительно – не думаю, что у неё раньше хоть когда-нибудь была собственная комната. Платье на Асе латанное и чуть маловатое. Делаю мысленную заметку, что стоит побыстрее сшить для неё новое. И ещё купить обувь, потому что девочка босиком.

Решаю начать со спальни дочки. Отдав распоряжения женщинам, прошу мужчин вынести мебель, которая мне кажется лишней: комод, шкаф и тумбочку. Дочке достаточно будет одного шкафа для её вещей. Заодно появится место, чтобы сделать лежанку для кошки. Лишнюю мебель пока распоряжаюсь отнести в бальный зал.

После этого отвожу Асю в комнаты для прислуги и произношу:

– Можешь выбрать любую кроме вот этой, – киваю на правую дверь в начале коридора.
– Здесь живёт Рансон.

Девушка заходит в ближайшую и произносит:

– Тогда я выберу эту.

Качаю головой:

– Ты же не посмотрела остальные. Выбери ту, которая понравится больше всего.

Она осматривает все, а потом выбирает ту, в которой жила Татина.

– Хорошо, – улыбаюсь я. – Как только комнату дочки отмоют, я перенесу её вещи туда, и ты сможешь обустроиться. Одеяло и матрас тут не особенно хорошие, но с этим мы разберёмся позже.

Кладовок в этом доме я не нашла, но может быть, на чердаке будет что-то подходящее?

Перенести сундучок с Татиной одеждой помогает Рансон, она сама берёт куклу, а мне доверяет коробочку со своими детскими сокровищами. Матрас выбили, так что застилаю его чистым постельным бельём. Одежду развешиваю в шкафу. Не хватает ощущения уюта, но

никаких ковров в этом доме я не нашла. Да и штор, которые подошли бы для комнаты дочери – тоже. Делаю себе мысленную зарубку, что нужно будет купить их во время поездки в город.

Женщины убираются до вечера, но успевают закончить только с первым этажом, за исключением зимнего сада. Зато работают слаженно и очень старательно – даже отодвигают мебель, чтобы вытереть под ней пыль. Предлагаю им перекусить, но они отказываются и уходят. Все кроме Аси, которая готовит ужин – жарит картошку и окорок.

Однообразная еда уже начинает надоедать. Хочется салатов из овощей, макарон, какого-то разнообразия. Когда поедем в город, нужно будет обязательно купить.

Мысли о закупках перетекают в мысли о заработке. Нужно походить по рынку, магазинам и другим заведениям, которые есть в городе, чтобы понять, какие есть способы заработать. Возможно ли там снять номер в гостинице? Интересно, сколько это может стоить.

Именно о гостинице я и спрашиваю Рансона утром. Он произносит:

– Насколько я знаю, в Гатре пять постоянных дворов: один для высокородных или просто очень состоятельных, три среднего уровня и два совсем уж дешёвых. Но в них я останавливаться не советую.

– Почему?

– И публика будет не особо приятная, и в самой комнате грязное бельё и клопы.

– Тогда точно не стоит. Как думаете, староста согласится на ночь остаться в городе?

– А чего нет? Если на одну – согласится. Как деревенские придут, я поеду к старосте и заодно спрошу про ночёвку.

– Спасибо!

Весь день у нас идёт уборка. Когда выбрасывают из зимнего сада все засохшие растения и отмывают стёкла, выясняется, что он очень просторный и светлый. В его центре обнаруживается печь, которой, по-видимому, это помещение обогревается зимой.

– Госпожа, если хотите, можем посадить в горшки новые растения.

– Не нужно, – качаю головой я.

Если уж этот сад называют зимним, наверное, в нём даже зимой может расти зелень. Если выбирать, то лучше я посажу что-то полезное. Только для этого нужно съездить на рынок и узнать, что здесь вообще можно вырастить.

Пока женщины продолжают отмывать комнаты, занимаюсь обустройством своей спальни, а потом, после того как отмывают библиотеку, поднимаюсь туда, чтобы отобрать книги.

Стеллажи расставлены вдоль всех стен и полки высятся до потолка, так что выбор огромный. Решаю, что сперва есть смысл проверить полки, до которых удобнее всего дотянуться, поскольку самое лучшее обычно ставят туда, где проще всего похвастаться.

На полке, которую осматриваю первой, обнаруживаю названия вроде «Романтичный принц», «Трепетная дева», «Поклонник графини Юрэ» и тому подобное. Ради интереса открываю, и содержимое очень похоже на любовный роман. Выбираю три книги – интересно, как принято ухаживать за девушками в этом мире и насколько тут свободные нравы. И ещё, часть книг как будто написана вручную, а часть напечатана.

Проверяю верхние и нижние полки, но, похоже, секция полностью посвящена женским романам.

Следующий стеллаж содержит книги, по которым можно чему-то научиться. Тут есть даже букварь, но мне интереснее книга про животных, домоводство и описание земель, на страницах которого есть карты. Ещё беру книгу с кратким изложением истории королевства – выбираю такую, чтобы были картинки.

Стеллаж, стоящий за этим, посвящён биографиям. Причём на каждой обложке просто имя того, о ком написана книга, и никаких пояснений, кем именно этот человек был и чем

занимался. Это очень неудобно. Как и то, что здесь не принято указывать, в каком году книга издана. Выбираю три томика из тех, что удобнее расположены.

Дальше стеллаж со сказками. Выбираю целых пять книг, чтобы было что читать дочери на ночь. Заодно самой будет полезно узнать местные мифы, легенды и ценности, ведь во многом сказки – отражение мировоззрения народа.

Последний стеллаж с теми книгами, которые, по-видимому, не подошли для остальных. Книга с законами оказывается именно здесь, чему я очень рада. Проверить все полки невозможно, но на тех, до которых удобно тянуться, так и не нахожу никаких религиозных книг. Но если есть храм, в котором проверяют, имеет ли ребёнок магический дар, должны быть и боги. И книги, в которых о них рассказывается.

Во время обеда размышляю об этом, но спрашивать остерегаюсь – кажется, будто поговорка «молчание – золото» придумана именно для подобного случая. И та, в которой говорится, что нужно молчать, чтобы сойти за умную, тоже.

Интересно, должна ли я посетить храм, когда буду в городе? С одной стороны, хотелось бы, но с другой – а вдруг здесь принято ходить в храм только по праздникам? Или приносить какие-то подношения? Или по-особенному креститься на входе. Я, конечно, как попугайчик, могу повторять за местными, только вдруг повторю какой-то жест, который не относится к религии? Нет уж. Если Рансон не предложит съездить в храм, я тоже буду молчать.

После обеда распоряжаюсь перенести в комнаты Аси и Рансона матрасы из спален второго этажа, а потом возвращаюсь в библиотеку и начинаю методичный пересмотр последней секции. Заканчиваю только к вечеру, но больше ничего полезного не нахожу. Книг по религии совершенно точно нет. И по магии нет тоже.

Деревенские заканчивают со вторым этажом и обещают вернуться завтра.

Перед сном читаю дочке сказки из книжки. Они про эльфов и их подвиги. Причём подвиги как в прямом, так и в переносном смысле – оказывается, эльфы могут как помочь вылечить растения, повысить урожай, найти воду и прочие сельскохозяйственные вещи, так и соблазнить красивых юных дев, но потом после этого самого соблазнения обязательно уходят в свои леса. Картинки того, как выглядят эльфы, есть. И судя по ним, они действительно очень красивы и очень ушасты. Вот только какого размера эти самые эльфы (как пикси или как люди) непонятно.

Во время завтрака хвалю Асю за кашу. Она смущённо благодарит, но выглядит при этом так, словно ей неловко, и она не знает, как реагировать на похвалу.

Потом приходят деревенские. Под моим присмотром они отмывают чердак, вытряхивают пыльные ткани, которыми накрыта мебель. А потом я зову Рансона. Мы вместе осматриваем коробки. Нахожу красивый фарфоровый чайный сервиз, который отправляю на кухню; три небольших ковра, которые делю между своей комнатой, комнатой дочки и гостиной; картины, большая часть из которых – это портреты людей (их я не трогаю), и вниз распоряжаюсь спустить только три пейзажа; одеяла, завёрнутые в ткань тоже есть – распоряжаюсь, чтобы одно отнесли в комнату дочки (из него получится отличная лежанка для кошки), а остальные – в комнаты для прислуги. Из коробки со статуэтками и подсвечниками выбираю несколько предметов, чтобы украсить гостиную и комнату дочки. Над большим зеркалом в деревянной оправе думаю, но всё-таки решаю, что место ему на чердаке – не доверяю я чужим старым зеркалам. Помимо этих находок на чердаке оказывается много всякого хлама разной степени ветхости, из которого мне ничего не нравится.

Во время ужина обсуждаем с Рансоном список того, что нам потребуется купить в городе. Он перечисляет всё, о чём говорил раньше. Ася с нами за один стол не садится, поскольку тут не положено за одним столом сидеть слугам и господам. Исключение может быть только для управляющего.

Мой взгляд падает на камин, поэтому я уточняю:

– Дом зимой будет обогреваться с помощью печей и каминов?

– Верно.

– Может быть, нам нужен человек, который проверит, всё ли в порядке с ними? А вдруг в дымоход попал какой-то мусор?

– Это разумно. Значит, наймём печника. Насчёт еды я по-прежнему настаиваю на том, чтобы список составляла кухарка – у меня в этом нет опыта.

– У меня тоже нет такого опыта, так что согласна насчёт кухарки. Запиши ещё, пожалуйста, шторы. Те, что в доме, выцвели, а некоторые к тому же и моль испортила.

– Хорошо, госпожа. Ложитесь спать пораньше – нам вставать на рассвете.

– Конечно! Ася, ты тоже поедешь с нами, поэтому тоже ложись спать пораньше.

– Госпожа, но зачем?

– Нужно купить тебе платье, да и за Татиной присмотришь.

– Но у меня есть платье.

– Расскажи, пожалуйста, об этом подробнее – какая у тебя ещё есть одежда и обувь.

– У меня есть туфли, сапожки, зимнее платье и тулуп.

– Хорошо. Я это учту.

– Вы собираетесь брать с собой дочь? – удивляется Рансон.

– Конечно. Нам же нужно выбрать для неё обувь и одежду. Не хочу ошибиться с размером.

– О! Как скажете.

Долго ворочаюсь в кровати, потому что не получается уснуть. От поездки в город зависит слишком многое.

Глава 8

Ася будит меня на рассвете. Одеваюсь, помогаю одеться дочке, и мы дружной компанией отправляемся в деревню.

Карманов в платье нет, никаких сумок я тоже не нашла, поэтому сорок золотых отдаю Рансону, двадцать прячу в корсаж, ещё три кладу в кошелёк – в этом мире тканевый мешочек, который нужно привязать к поясу.

Рансон сажит Татину на коня, а сам ведёт его в поводу. Она так счастливо улыбается, что становится совестно – за всеми заботами я уделяла ей слишком мало внимания. Нужно будет это исправить, когда вернёмся в усадьбу.

Увидев нашу компанию, староста просит обождать, а потом выкатывает ещё одну телегу в дополнение к тем двум, что уже стояли на улице. В ближайшую залезают четыре мужика, а нам староста указывает на другую, которая отличается от остальных тем, что на лавку, где полагается сидеть, наброшено пёстрое одело. Усаживаю в середину дочку, и мы трогаемся.

Рессор на телеге совершенно точно нет – моя пятая точка чувствует каждую ямку и каждую кочку на дороге. Пытаюсь сесть по-всякому, но, похоже, удобного положения просто не существует. Если рессор нет и у дорожных карет, три месяца покажутся адом. И ладно я, но дочке будет ещё тяжелее.

Чем дальше, тем сложнее отгонять от себя мрачные мысли. Зато увидев вдалеке дома, за которыми возвышается крепостная стена, чувствую огромное облегчение.

Рансон распоряжается ехать к постоялому двору «Два петуха» на окраине города. Снимает комнаты, договаривается об уходе за лошадьми, отсчитывает три серебряных за всё, а потом мы берём с собой старосту и отправляемся смотреть, что и где можно купить. К моему огромному облегчению, пешком.

Пока идём, с любопытством осматриваюсь по сторонам. На окраине города расположились внушительного вида особняки, некоторые трёхэтажные. Часть из них украшена колоннами и лепниной, многие больше походят на домики, что я видела на картинках про Италию. Центральная дорога и те, что ведут к особнякам, вымощены булыжником, а вот остальные дороги выглядят как наши просёлочные. За богатым кварталом идёт тот, в котором явно живут без достатка – дома здесь одноэтажные, рядом с каждым есть небольшой огородик с грядками. Потом начинаются ряды двухэтажных домов без собственных земельных участков. Транспорта почти нет: изредка можно встретить телеги, один раз я увидела экипаж. Всадники на лошадях встречаются чаще всего. И все они мужчины.

По пути замечаю три лавки, в которых продают мясо и овощи (это можно рассмотреть через открытые нараспашку двери), но никаких других магазинов или кафе здесь нет.

Горожанки одеты в платья самого простого покроя – без выточек и подвязанные поясом. Подолы длиной выше середины щиколотки я не увидела, так же как и брюк на женщинах. Декоры скромные, но не пуританские. На некоторых дамах кокетливые шляпки, но большинство с непокрытой головой. Что касается причёсок, то либо распущенные волосы, либо косы, либо хвост на затылке. А вот макияжа, похоже, на дамах нет, либо он очень незаметный.

Мы сворачиваем с главной дороги и подходим к рынку. Самые удачливые торговцы стоят за деревянными прилавками, а остальные разложили товар прямо на земле. Причём торгуют всем без разбора – изделия кузнеца соседствуют с пирожками и тканями. Рынок не особенно большой – за полчаса обходим его полностью.

Прошу старосту назвать здешние овощи и фрукты. Так мне удаётся выяснить, что помидоры здесь ярко-оранжевого цвета, а свекла – нежно-розовая. В остальном всё очень похоже на то, что росло в моём мире.

Привычных мне сумок нет – местные ходят с корзинами или с мешочками, которые крепятся к поясу. Покупаю себе небольшую корзинку на случай, если захочется что-то купить, а я не найду ничего удобнее.

Часть рынка, где продают животных, отделена оградой. Договариваемся, что сегодня идти туда смысла нет.

– До какого часа работает рынок? – уточняю я у старосты.

– До темноты.

– Одежду и обувь можно купить только в этом месте?

– Есть ещё торговая улица.

– Покажи, пожалуйста.

Торговая улица вымощена плиткой. Дома на ней двухэтажные и часть из них имеет витрины. Проходим мимо ювелирного магазина, лавки кузнеца, лавки оружейника, продуктового магазина, загадочных "Женских радостей, постоялого двора, магазина тканей и, наконец, доходим до магазина готовой одежды. Ценников на вещах нет, поэтому приходится расспрашивать хозяйку – черноволосую даму в почтенном возрасте. Ткани и качество пошива здесь выше, чем на рынке, поэтому решаю вернуться сюда с дочкой. Лучше пусть будет немного дороже, зато качественнее.

Дальше расположилось заведение под названием «Пивнуха». Через открытую дверь видны столики, за которыми расселись мужчины разных возрастов.

За ней здание пекарни. Захожу внутрь, чтобы купить что-нибудь вкусненькое. Выбор того, что здесь пекут, оказывается не особенно большим: белый хлеб, тёмный хлеб, пирожки и пироги.

Проходим мимо харчевни «Сытый гусь» и приближаемся к обувной лавке. Качество обуви мне нравится здесь больше, чем на рынке, так что решаю приобрести обувь для дочери именно тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.